

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО
ДАГЕСТАНУ

Николай Воронов

Из путешествия по Дагестану

«Public Domain»

1870

Воронов Н. И.

Из путешествия по Дагестану / Н. И. Воронов — «Public Domain», 1870

«Осенью прошлого (1867) года я имел счастливый случай ознакомиться с большею частью Дагестана, сопутствуя начальнику Кавказского горского управления, генерал-майору Д.С. Старосельскому, обзревавшему этот край по служебным обязанностям и посетившему такие места Дагестана (преимущественно Среднего), в которые нелегко проникнуть частному путешественнику...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Воронов

Из путешествия по Дагестану

I

Несколько предварительных слов. Маршрут. Дагестанские пути сообщения.

Осенью прошлого (1867) года я имел счастливый случай ознакомиться с большей частью Дагестана, сопутствуя начальнику Кавказского горского управления, генерал-майору Д.С. Старосельскому, обозревавшему этот край по служебным обязанностям и посетившему такие места Дагестана (преимущественно Среднего), в которые нелегко проникнуть частному путешественнику. Я имел возможность прислушаться к опросам и показаниям многих горских джамаатов, составить понятие об общем складе жизни дагестанцев и собрать значительное количество данных, касающихся экономической стороны этой жизни. О некоторых из уголков Среднего Дагестана почти ничего еще не было сказано в нашей литературе; поэтому-то я и решился предложить читателям несколько отрывков из своих путевых дагестанских впечатлений, в той надежде, что мои заметки могут иметь интерес если не по своей полноте и обработанности, то по крайней мере по малоизвестности тех мест, которых они касаются. Но предварительно нелишним считаю очертить в немногих словах последовательность всех переездов наших по Дагестану и сказать несколько слов о дагестанских путях сообщения, чтобы читатель мог судить, как велик и насколько удобообозрим весь тот круг дагестанской жизни, который представился моей наблюдательности.

Имея в виду как можно внимательнее обозреть общества Верхнего Дагестана и принимая в соображение позднее время года, когда со дня на день можно было ожидать, что выпадут в горах снега и затруднят сообщения, начальник Горского управления поспешил проникнуть в Дагестан кратчайшим путем, чрез Тионетский округ и Кварельский участок Телавского уезда, в деревню Енисели, откуда начинается подъем на Кодор, а потом спуск в глубокие ущелья Дидойского общества Андийского округа. Сухая и ясная погода как нельзя больше благоприятствовала перевалу через Кодор, и 2 сентября мы прибыли в первый дагестанский аул – Хупро. С этого дня, объезжая все ущелья, примыкающие к главному хребту, я имел возможность осмотреть главные места поселений и прислушаться к опросам джамаатов почти всех верхнедагестанских обществ, за исключением Джурмутского общества, куда не было возможности проникнуть по случаю выпавших 8 и 9 сентября снегов, заваливших вершины гор и горные проходы, так что единственный сколько-нибудь проезжий путь лежал нам из Богноды на Тлейсерух, чрез два невысоких перевала, к истокам Кара-Койсу. Затем, проехав Тлейсерух, мы повернули влево от Кара-Койсу и осмотрели редко кем посещенные части Среднего Дагестана – Карах, Гидатль и Тилитль, а на 17 сентября прибыли в Гуниб. Отсюда мы снова поворотили к главному хребту – в округ Казикумухский и в южные части Даргинского округа, а потом, с юга опять направились на север, в общество Койсубулинское, Аварского округа, в аул Араканы. От этого аула предстоял однодневный переезд в Темир-Хан-Шуру, чрез хребет Гаркас, уже покрывавшийся в то время снегом, и с приездом нашим в Шуру (на 1 октября) погода, все время благоприятствовавшая переездам нашим по горным местностям, значительно изменилась: наступили дожди и холода; вершины гор покрылись снегом, так что дальнейшее путешествие по гористым участкам Дагестана могло представить если не опасность, то по крайней мере большие затруднения. Поэтому решено было ограничиться осмотром еще Южного Дагестана, и преимущественно только тех его участков, которые лежат ближе к плоскости, так чтобы, ознакомившись с подгорными частями Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов и проехав вдоль по округу Самурскому, перевалиться чрез гору Салават и Шинское ущелье

в Закатальский округ. На эту вторую часть поездки по Дагестану употреблено также около месяца.

При объезде Дагестана нет возможности придерживаться заранее составленного маршрута. Дагестанские пути сообщения вообще таковы, что необходимо при переездах с места на место руководиться показаниями туземцев; что же касается трехверстной карты Дагестана, то пути, на ней означенные, равно как и другие ее показания, требуют больших исправлений. На всем пространстве от Кодорского перевала до подъема на Гуниб мы следовали по тропинкам, годным только для верховой езды. Тропинки эти пролегают преимущественно по ущельям, на большей или меньшей высоте над руслом текущих по ущельям горных речек и потоков, редко спускаясь к их ложу, загроможденному камнями; самые трудные места на этих тропинках представляют подъемы и спуски, при перевалах из одного ущелья в другое, причем тропинки обыкновенно пролагаются зигзагами, в 20 и 30 поворотов. Крепкие и вообще выносливые горские лошади с большим трудом всходят на такие крутые подъемы, а при спусках большею частью требуют того, чтоб всадник слезал. Особенно круты и продолжительны подъемы и спуски в обществе Дидойском, равно и в Анцухо-Капучинском, где ущелья отличаются особенною глубиною; но тут же, благодаря мягкому грунту, покрывающему скаты гор, проложение дорог несравненно легче, чем в других местах Среднего Дагестана (как, например, в Тлейсерухе), где необходимо для всякой тропы рубить или же взрывать скалистые, нередко отвесные бока ущелий.

О дагестанских дорогах часто приходится слышать ужасы, запугивающие воображение нервных людей. Действительно, кое-где по здешним путям сообщения едущему становится невмочь сидеть на коне и приходится несколько отводить глаза от обрыва, по которому проложена весьма узкая и осыпающаяся тропинка. К тому же о дагестанских дорогах судят еще и теперь по тем ужасным переходам, какие приходилось делать нашим войскам в военное время, когда поневоле избегали передвижений по ущельям, а больше держались открытых мест, пробираясь по кручам и обрывам. В настоящее же время ездят по ущельям, по которым ездили и в то время сами горцы. Притом же заметно, что здешние пути сообщения, даже и в трудно разрабатываемых под дороги ущельях Верхнего Дагестана, год от году улучшаются. В этом отношении нельзя пройти молчанием некоторых дорог Дидойского общества, в особенности же недавно проложенной вьючной тропы на высокое безлесное плоскогорье Бешо, откуда ведет спуск в ущелье Иланхеви, прославленное подвигами генерала Вревского, в 1857 и 1858 годах, где он и ранен смертельно, при осаде аула Китури. Следы дорог, проложенных во время походов этого генерала, до сих пор сохранились в Дидо и Капуче; но по ним не происходит передвижений, так как проложение и направление их не соответствует чисто горским приемам в проложении и направлении дорог. Разработанные в военное время и для военных целей, дороги Вревского держатся преимущественно открытых мест и ведут из ущелья в ущелье по вершинам горных хребтов, тогда как чисто горские приемы проложения дорог заключаются в весьма искусном огибании боковых выступов ущелья, по полугоре, и только в крайности, при верховьях ущелья, тропа ведется на верх перевала. Правда, протяжение дорог при этом видимо удлиняется, но зато сохраняются силы лошади, и притом как животное, так и человек находятся по пути постоянно вблизи от текущих по ущелью вод. Пользуюсь случаем, чтобы отдать справедливость умению горцев весьма искусно распорядиться угодьями окружающей их скудной и трудноодолеваемой природы. При разумном руководстве и при небольших затратах и поощрениях со стороны правительства, можно надеяться, что горский земский труд представит результаты не только хорошие, но даже блистательные в отношении проложения местных дорог, которые до сих пор пролагались преимущественно инженерными, дорогостоящими средствами. Доказательством этого может служить еще не оконченная экипажная дорога, проводимая куядинским наибом по направлению от Гергебиля в Унцукуль. Мы проехали участок ее от Гергебиля, верст на 15, по направлению к аулу Аракань, и следует сказать, что и в неза-

конченном виде она весьма удобна для езды, хотя и проложена по весьма трудной местности, у подножья скал, омываемых сливающимися здесь Кази-Кумухским и Кара-Койсу. Не один, впрочем, куядинский наиб явил себя замечательным инженером-самоучкой; так, под руководством одного из горцев, проводится в настоящее время из Кази-Кумухского Койсу замечательная оросительная канава, которая оплодотворит скаты гор, по левую сторону этой реки, насупротив Хаджал-Махинского укрепления.

К сожалению, мне не довелось увидеть важнейших дагестанских дорожных сооружений, устроенных на счет казны войсками и жителями по найму. Дороги эти ведут от Шуры на Гуниб и в Кумух, от Хунзаха в Анди, от Хунзаха же вверх по Аварскому Койсу до Датунa. Наши переезды совершались по выючным тропам, в стороне от этих главных путей Дагестана, и только в некоторых пунктах (как, например, при подъеме на Гуниб, при поездке в Карадагскую сланцевую щель и при переезде от селения Кутиши к Хаджал-Махинскому укреплению) можно было оглядеть и оценить всю громадность и трудность работ, отчасти уже прекрасно исполненных, а отчасти исполняемых при проложении экипажных дорог по трющобам Дагестана.

Таким образом, переезжая все выючными тропами, большею частью хорошо проложенными и содержимыми, мы встретили первую аробную дорогу, не прежде как перебравшись в Северный Дагестан, а именно – в Даргинский округ. Характер здешней местности, состоящей не столько из глубоких ущелий, сколько из возвышенных плоскогорий, не представляет особенных затруднений для аробной езды; кроме того, на пути сообщения здешних мест давно уже обращено внимание правительства, да и сами жители этого округа успели убедиться в полезности хороших дорог чрез выгоды от перевозки ими провианта.

Наконец, с выездом на плоскость, на прикаспийское побережье, можно было катить в экипаже, на почтовых. Но и помимо почтовой дороги, в плоскостные части округов Кайтаго-Табасаранского и Кюринского можно проникать хорошими экипажными дорогами, которые поддерживаются земскими средствами и ведут преимущественно к двум главным пунктам этих округов – к Маджалису и Касум-кенту; не говоря уже о дорогах аробных, пересекающих плоскостные части Южного Дагестана во многих направлениях.

Такое более чем удовлетворительное состояние дорог в крае, который еще так недавно считался бездорожным, говорит за те быстрые успехи, какие сделаны администрацией в короткий срок, протекший по умиротворению Дагестана. Остается желать, чтобы, с одной стороны, окончена была скорее казенная дорога от Датунa к главному хребту, трасированная чрез Капучу и долженствующая соединить прямым путем Дагестан с Закавказьем; с другой же стороны, желательно, чтоб сами горцы все больше проникались сознанием, как полезно будет для них заменить выючные дороги аробными, и решительнее приступили бы к улучшению местных путей сообщения средствами земства. Такому сознанию больше всего поможет возрастающее с каждым годом благосостояние дагестанцев.

II

Первые дагестанские впечатления. Спуск с Кодора в ущелья Дидойского общества. Озеро Хупро. Аул Хупро. Ночлег. Горский джамаат. Дорога от Хупро в Кидеро. Дневка. Подъем на Беио и вид на ущелье Иланхеви. Аул Инух. Несколько заключительных слов о дидойцах.

С вершины Кодорского перевала, с высоты 9310 футов над уровнем моря, открылся первый вид на Дагестан. За нами осталась Алазанская долина, широкая, привольная, а впереди предстоял спуск в тесное ущелье, глубоко залегающее между безлесных гор, закрытое ими, так что на горизонте виднелось только два-три изгиба снежного хребта Богоз и ничего больше. Ввиду этого таинственного ущелья мы расположились на привал вблизи Кодорской оборонительной башни, построенной в седловине горного кряжа. Был полдень. Тишина в воздухе царила необычайная; ни одной птицы, ни одного насекомого не виделось и не слышалось. Небо было ясное; но нас иногда накрывали собою легкие облака, скользившие по бокам соседних гор... и при этом из трущоб ущелья повевало атмосферой погреба. Чужалось, что впереди предстояло знакомство с совершенно особым миром.

После двухчасового привала мы отправились в дальнейший путь. Тотчас же начался отлогий спуск в ущелье по узкому карнизу, искусственно проложенному в полугоре, на значительной высоте над горным потоком, образующим по слиянию с другими потоками кодорского склона реку Ори-цхали – один из главных истоков Андийского Койсу. В Дагестане вообще речкам и рекам не присвоено каких-либо собственных, единичных названий: всякая речка есть *вода* (өр, тлар, герх, вац, озень, чай, нехи и т. д.), и к этому слову прибавляется имя селения или же общества, чрез которое она течет. Истоки Андийского Койсу в пределах Дидо¹ на картах называются грузинским именем Ори-цхали, то есть *две воды*. Итак, по этим двум водам, собиравшимся однако в главное русло из десятков побочных ущелий, а также из ручьев, струившихся почти на каждом изгибе боков главного ущелья, мы подвигались медленно, так сказать, робкими шагами все ниже, ниже, а река в свою очередь также лилась ниже, и между нами и ею оставалось все одно и то же расстояние. В некоторых местах она скрывалась под навесом почерневшего снега, быть может, легшего здесь или упавшего с горы давным-давно и никак не успевающего растаять в короткий срок здешнего лета. Стены узкого и глубокого ущелья, да эта речка внизу – вот и вся картина этих мест. Мрачно, сыро, глухо... Признаться, после недавних видов роскошной Алазанской долины проезд по этому горному коридору, притом с непривычки к здешним тропинкам над глубокими скатами, производящими головокружение, с незнания свойств здешней лошади, для которой не составляет особенно трудной задачи взбираться и спускаться по ступенькам горной тропы или прыгать через ручей, – словом, первые впечатления Дагестана на незнакомого с его трущобами путника производят нечто тяжелое, болезненное.

В таком невеселом настроении, не видя впереди никакого пристанища, ни даже намек на то, что и тут же где-то живут люди, не видя ничего, кроме нового заворота ущелья вправо или влево, мы усмотрели наконец блеснувший впереди бассейн воды, с деревьями вокруг, блеснувший где-то там – и близко и далеко: здешних расстояний сразу, с непривычки не разгадаешь. Но во всяком случае это не обман зрения: бассейн, до которого пришлось спускаться часа два нашей мерной езды, оказался озером, известным под названием Хупринского, то есть озера, находящегося недалеко от дидойского аула Хупро. – Это, если угодно, первая дагестанская достопримечательность, встретившаяся на нашем пути, если только не есть достопримечательность, и притом самая поразительная, весь склад самого Дагестана, в его общих чертах, перед

¹ Другой главный исток Андийского Койсу начинается в Тушетии у горы Барбалю и называется Дагестанской, или Перекательской Алазанью.

грандиозностью и оригинальностью (пожалуй, даже уродливостью) которых бледнеют, ступеваются все частности, все мелочи, все отдельные его достопримечательности...

Спуск к озеру представил неиспытанные еще до тех пор ощущения. До этого места мы ехали все в полугоре, делая небольшие то подъемы, то спуски и находясь на значительной высоте над бежавшей внизу речкой. Здесь же разом пришлось к ней спускаться. Зигзаги за зигзагами, с крутыми поворотами, повели вниз, промеж кустов и деревьев жидкого березового леса, и казалось, конца не будет этим зигзагам. Все проводники наши послезали с коней; нужно было и нам последовать их примеру. Да трудно, почти невозможно и держаться в седле, когда лошадь больше ползет, чем ступает, приседая на задние ноги и еле-еле изворачиваясь на крутых поворотах.

Хупринское озеро, чистое, как хрусталь, узкое и продолговатое, лежащее на дне ущелья, замечательно, во-первых, тем, что оно своего рода редкость в горах Кавказа, вообще бедных озерами, не в пример другим горным странам; во-вторых, оно изобилует превосходной форелью, а в-третьих, образование его недавнее и объясняется наглядно видом одной из прибрежных гор: часть этой горы видимо сползла вниз, то есть образовался ледяной обвал, который, упавши в речку, загрозил дальнейшее ее течение, чрез что речка, само собою разумеется, должна была образовать значительный водоем. Она подмылась под обвал и потекла своим путем, но часть ее вод и до сих пор задерживается остатками обвала и наполняет озеро. Подобные обвалы не редкость в Нагорном Дагестане. Горные скаты здесь довольно круты и покрыты рыхлым слоем чернозема, лежащим непосредственно на каменистой подпочве; стоит только воде подмыть нижний слой, как прилежащие к нему верхние части того же слоя начинают сами собою осыпаться, чрез что, при крутых боках горы, весь верхний ее слой начинает спалзывать вниз, постепенно, или же он может разом рухнуть, увлекая за собою отдельно лежащие камни и растущие по горам деревья. Так, в обществе Томе жители жаловались, что они не так давно, лет 5 тому назад, остались почти без леса: он сполз в реку и унесен течением, а гора, прежде лесистая, теперь смотрит обнаженной скалой.

За озером наступил подъем, такой же крутой, как и предшествовавший ему спуск; поднимались также зигзагами, промеж жиденького березового леса, пока наконец не поднялись на безлесную высоту, с превосходными тучными пастбищами. С этой высоты открылись наконец уголья Дидойского общества, заселенные аулами. Левее, в глубине ущелья, виден был аул Хитрахо; правее, в таком же глубоком ущелье, показался аул Хупро. Наступали сумерки. Ущелья несколько дымились. Местность принимала все более мрачный колорит. В воздухе становилось свежо и сыро. Потянулся длинный извилистый спуск к аулу Хупро, где ожидал нас первый дагестанский ночлег.

Об этом ауле рассказывали как об одном из крепких горских поселений. Естественно, можно было ожидать значительных размеров такого поселения. Но при виде на него с горы, не ознакомившись еще с характером устройства всех вообще аулов Дагестана, невольно поражаешься миниатюрностью его общего склада. Это скученная на пригорке масса серых деревянно-каменных клетушек, одна на другой, без дворов, без улиц. Из каждой клетушки глядят одно-два отверстия, то круглые, то четырехугольные, без рам и стекол: это окна, это же – если угодно – и амбразуры всей этой кучи горских жилищ, устроенных на такой склад с местными стратегическими целями. Брать с бою такую кучку жилищ почти то же, что брать крепость. Между тем, при первом взгляде на такого устройства аул, особенно с высоты здешних перевалов, думается, что это хуторок, расположившийся серым пятном на зеленых лугах горного ската. Впрочем, дидойские аулы вообще не обширны: полсотни или около этого дворов; в Хупро же всего 31 двор.

Дидойцы (как их называем мы), или же Дидо (по-грузински) сами себя называют *цези*, то есть орлы. Но с виду они народ неказистый, несколько не напоминающий орлиной, царственной породы; по виду они гораздо правильнее *цунта*, то есть оборванцы, как их и величают

неделикатные соседи. Но, может быть, орлами они называют себя потому, что селения их, как орлиные гнезда, расположены на значительной высоте, в сравнении с другими поселениями дагестанцев²; их уголья – альпийская, луговая полоса гор. Любопытно было после приезда в аул взглянуть на наших хозяев-орлов, собравших джамаат, или общественную сходку.

Джамаат был нелюдный; представителей и говорливых людей (горских ораторов) не выказывалось; впереди стояли старики, сторбившись и опираясь на палки, порою поплеывая сквозь зубы, с особенным дагестанским шиком: дагестанцы вообще не плюют просто, а процеживают слюни сквозь зубы с особенным звуком, и без таких плевков ни одна речь, ни одна сходка не обходится. Оружием никто не был обвешен, и вообще сходбище не представляло из себя ничего воинственного. Редко кто имел при себе ружье, шашку, пистолет; только у каждого на поясе висел кинжал, в простых, без особых украшений ножнах. Костюмы тоже не франтовские: чухи из серого домашнего сукна, затянутые кожаными поясами; бараньи шубы с длинными воротниками и длиннейшими рукавами; неуклюжие низкие папахи из рыжих овчин; обувь шерстяная, вроде наших чулок и туфель, – обувь оригинальная и приготовляемая на месте, дидойскими женщинами. Это преимущественно вязанные из белой шерсти башмаки, с красными и синими строчками или стрелками, твердого вязанья, с тупыми и скошенными носками, без кожаных подошв и без подков. По всей вероятности, легкий грунт дидойских ущелий обусловил здесь такую обувь. Где почва в Дагестане камениста, там преобладает кожаная обувь (поршни), и притом с подковами о двух или трех шипах, идущих вперед пятки. В соседней к Дидо Капуче тоже преобладает шерстяная обувь, домашнего же приготовления; но здесь она полосатая, цветнее дидойской и с носками остроконечными, загнутыми кверху. Было несколько и дырявых одежд; на ком-то показалась сильно порывевшая и заплатанная солдатская шинель... быть может, трофеем прежних боевых годов.

При расспросе о житье-бытье дидойцы не преминули пожаловаться на свою судьбу: и хлеба у них своего на год не стает, и овцы мало, и лес плох, и пастбищ не хватает, а к тому еще зимы длинные и снежные: узкие ущелья заносятся снегом на два, на три ханских аршина глубиною, а тут еще в частую случаются завалы... Словом, жить совсем плохо. Из дальнейших расспросов, однако, оказалось, что дидойцы даже продают избыток хлеба от своих урожаев, что и овец у них вдоволь, и лес есть, и пастбищ немало. Но такова уже политика горского джамаата: хитри, жалуйся на судьбу, прикидывайся нищим – авось, от подати избавят или по крайней мере ее не надбавят. Сеют дидойцы ячмень, пшеницу, весьма редко – бобы; при урожае зерно дает сам 15-30; баранта их с каждым годом увеличивается: с 1858 года, то есть со времени последнего разорения дидойских аулов, ее увеличилось примерно в восемь раз. На зиму значительная часть населения остается дома, другие переключиваются на плоскость, в Кахетию, вместе с барантою, а немногие бедняки отправляются в леса Тушетии, где отыскивают липу и выделывают посуду – корыта, ульи, шайки, плетут также корзины из ветвей и продают все это в Телаве, Сигнахе и в других местах Кахетии.

Вообще же дидойский джамаат, после того как пришлось оглядеть и послушать многие другие дагестанские джамааты, является воображению моему весьма непредставительным. Недаром, значит, кахетинцы величают их *цунта*, то есть оборванцы; недаром и другие дагестанцы смотрят на этих «орлов» с некоторого рода презрением, как на медведей, увальней, неуклюжих пастухов. Что составляет весь цвет дагестанской образованности и благовоспитанности, все это еще не кажет себя в Дидо.

Ночлег наш последовал, для большего, так сказать, комфорта почетных гостей, не в сакле, а в хлеве, так как в последнем предполагалось и больше чистоты, и лучший воздух, и меньше насекомых, чем в сакле. Хлев был плетенный из прутьев, не смазанный глиною, а

² Аул Хупро расположен на высоте около 5½ тысяч футов над уровнем моря. (Все показания высот определены по определениям академика Рупрехта).

потому продувавшийся сквозным холодным ветром. Разложили огонь посредине; затрещали смолистые сосновые и березовые дрова; повалил дым на всю клеть: вот удобства нашего первого дагестанского ночлега.

Осмотревши несколько хупринских жилищ³, мы выехали в дальнейший путь по дороге на главный дидойский аул Кидеро. На полях производилась уборка хлеба: скошенный, он связывался в снопы и уносился в аул, где складывался на плоских крышах саклей и там же вымачивался. В ауле Хупро нам не пришлось видеть почти ни одной женщины; зато здесь, в поле, не видно было ни одного мужчины: работали одни женщины. Вот они, кавказские горянки, так размашисто идеализированные фальшивым строем лиры некоторых наших поэтов! Сгорбленные, в неуклюжих одеждах, они, отворачиваясь от нас, перетаскивали на спинах своих большие связки снопов, из-под которых заметны были ноги, еле прикрытые дырявыми штанами. «Дамы, дамы!» – радостно указывал на эти фигуры один из наших спутников, местный врач и незаменимый в дороге распорядитель по части приготовления шашлыка и других закусок: «Смотрите, дагестанские дамы!» И это наивное замечание нашего спутника, весьма добродушного, казалось преисполненным злейшей иронии. В самом деле, какое сближение между тем, что европеец величает дамой, и между этими несчастными женщинами кавказских гор, работающими, как выючный скот, и не только под старость, но и в 30 лет уже не могущими распрямить свой стан! В облегчение полевых работ дидойских женщин нигде не видно было и эшака⁴, этого единственного существа, участь которого в горах может сравниться с участью женщин. Но нет, эшаки в Дагестане все же в большей доле, чем женщины!

Впрочем, замечу мимоходом, что подобные возмущающие европейское чувство встречи, как женщины, навьюченные снопами, ступевают в глазах проезжего пред подавляющим величием здешней природы. На скатах дидойских громадных гор все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бежит от глаз... Целый аул представляется издали не более как осиным гнездом, прилепленным к камню; засеянные хлебом поля кажутся разбросанными там и сям по горе желтыми пятнами, на которых работающие женщины копошатся, точно муравьи. Даже здешние леса, почти сплошь покрывающие глубину ущелий, так скрадываются, что как будто их и нет. Этою громадностью фона здешних видов, скрадывающею все детали, можно объяснить общее впечатление, которое производит собою Верхний Дагестан: повсюду горы, издали – самые безжизненные, на которых, кажется, нет угодья ни для растительности, ни животных и человека. А между тем край заселен густо, лесу вдоволь, и сколько стад находят для себя обильную пищу на этих, по-видимому, голых горах!

Ехали мы большею частью лесистым ущельем, поднимаясь все в гору, по берегу шумящей речки Ори-цхали. На пути этом лежат в развалинах три маленьких аула – Хибия, Виция и Ильбоко (Ельмук), едва отстраивающиеся после погрома дидойских аулов в 1857 и 1858 годах. Здешний разоренный аул возобновить труднее, чем выстроить вновь. Таков вообще способ устройства здешних жилищ, сложенных из бревен и камня, что, охваченные огнем, они превращаются в груды мусора, который разобрать и употребить на новые постройки убыточнее, чем заготовить совершенно новый и тут же предлагаемый природою строительный материал: и лес и щебень под рукою. Однако родное пепелище неохотно покидает всякий народ: как ни убыточно, а устраиваются опять на месте разоренных предковских очагов.

Присутствие ли развалин или же скудость угодий, лежащих повыше зеленой лесной полосы ущелья и только изредка желтевших четырехугольными крошечными пахотными полями, но впечатления, навеванные видом здешних мест, были самого грустного свойства. Нищета и дикость. На дорогу выбегали дети почти нагие; между ними была и девочка, лет двенадцати, тоже в одежде Евы. Им дали несколько серебряных монет, и вот, заслышав о подарках

³ Об устройстве дагестанских жилищ вообще будет сказано ниже.

⁴ В Дидо эшаки (ослы) редкость; они не выносят здешнего сурового климата.

со стороны проезжих, бросились бежать из аулов несколько женщин, по пригоркам, по крутым скатам и подъемам, наперерез нашего пути, чтобы в свою очередь получить что-нибудь и на свою долю. У бежавших женщин на спинах сидели дети, ухватившись ручонками за шею.

Часа через три пути мы поднялись на вершину перевала (7829 футов) и расположились на отдых. Внизу раскинулось ущелье Киди, безлесное, обожженное летним солнцем; противоположную от нас сторону этого ущелья занимала гора Бешо, тоже безлесная, продолговатая, с покатыми боками. У подошвы ее виднелись скученные постройки трех аулов – Гутоха, Зехидо и Кидеро, из которых последний, самый больший, с наибским управлением, составлял ближайшую цель нашего путешествия.

Между тем место, на котором мы расположились на отдых, в сравнении с предстоявшими впереди обнаженными горами казалось и живописным и вполне благодатным. Окружающий нас кустарниковый лес был свеж, как весною; множество цветов рассыпано было по тучной мураве; воздух, несмотря на ясный полдень, был переполнен самою приятною прохладой. Задымился костер; стали готовить шашлык; спутники наши рассыпались по лесу за грибами и ягодами...

Предстоявший спуск к аулу Кидеро, расположенному по ту сторону речки Рехюк-ор, на небольшом возвышении⁵, был так же крут и длинен, как и все верхнедагестанские спуски. Пока мы достигли ложа речки, пришлось изворачиваться множеством зигзагов, крутых и узких, то слезая с коня, то снова садясь, так что в аул, несмотря на казавшуюся близость его, мы прибыли далеко за полдень. И Кидеро, подобно всем прочим верхнедагестанским селениям, представлялся как бы искусно устроенным укреплением, расположенным на довольно крутом скате горы; постройки его, сложенные из камня и дерева, глядят из своих верхних этажей круглыми и четырехугольными окнами, как амбразурами; в нижних же чернеют узкие и низкие двери, ведущие в хлева; крыши всех строений плоские, террасами, одна над другою. Каждый такого устройства дом и есть собственно двор, или дым, в котором помещается отдельная семья; в Кидеро считается их 61.

Но в Кидеро, как большую достопримечательность, можно указать наибский дом, отстроившийся недавно почти в европейском вкусе. Без сомнения, взглядевшись в эту верхнедагестанскую диковинку, скоро приходишь к заключению, что европейский образец дома, при перевалах, подъемах и спусках по пути в Кидеро, сильно искажился, износился и повыцвел: потолки и рамы его покосились, стекла загрязнились и потрескались, обои поотстали от стен, подтекли и покособились; мебель еле-еле добрела в нескольких изуродованных экземплярах. Тем не менее однако, хотя и плохой образец, но образец Европы, наибский дом стоит на диво в Кидеро и, без сомнения, своей архитектурой, своими стеклами, обоями, мебелью, печами, сколько дивит туземцев, столько же и цивилизует⁶.

В Кидеро мы отведали некоторых горских удовольствий. Нас угостили пляской и местной стряпни кушаньями. Плясали лезгинку – танец столь известный, что распространяться о нем было бы излишним, если бы это не была лезгинка, так сказать, у себя дома, в лезгинской среде. Плясали мальчики и взрослые мужчины, попарно, без участия женщин; но все искусство танцоров заключалось в быстроте движений; о грации же последних, кажется, заботы особенной здесь не прилагается. Быстрота в движениях ног, при исполнении плавных па лезгинки, действительно поразительна; но все же пред нами были гимнасты, а не танцоры. Впрочем, при той обстановке, которая окружала танцующих, и не могло проявиться увлечение танцами, то есть та или другая степень страстности, без чего всякий танец превращается в гимнастическое упражнение. Танцоров, повторяю, окружали только мужчины – одни из них били такт в

⁵ Абсолютная высота Рехюк-ор при этом ауле определена академиком Рупрехтом в 6072 фута.

⁶ В Верхнем Дагестане еще в ауле Чодоколо (в Анцухе) отстраивается такой же на европейский лад дом, местным же наибом.

ладоши, другие держали в руках горевшие лучины и освещали арену; ни одной женщины не было в числе зрителей. Здесь можно было блеснуть ловкостью; но едва ли могла проявиться какая-либо страстность. Плясали под звуки двух инструментов – бубна и чонгури.

Что до местных кушаний, то это были – сыр и любимый горцами *хинкал* (вроде малороссийских галушек, огромной величины), поданный без навара и без всякой приправы. Горцы вообще плохие гастрономы, а дидойцы в особенности⁷. Мясо вообще редкость на столе горца; большею частью он питается мучнистой пищей – толокном, хинкалом. Об овощах, о фруктах по крайней мере в Верхнем Дагестане редкий хозяин имеет понятие; огородов решительно никаких нет; как редкость, можно встретить кое-где тыкву, выходящую по изгороди крошечной терраски, засеянной табаком. Помню, нас чрезвычайно удивило, когда в ауле Тларата (в Анцроссо), на 8-й день нашего пути по Дагестану, принесли нам несколько бураков из одного бугунского аула: оказалось, что это, быть может, последний продукт огорода, разведенного там каким-то пленным, выращивавшим на верхнедагестанской почве огурцы и дыни. При таком положении огородничества в здешних местах неудивительно, что дидойский хинкал оказался без всякой приправы, без луку и чеснока, которыми его приправляют в других дагестанских обществах, более развитых, чем *цунта* (оборвыши), у тех и величина хинкала поменьше, а потому и удобосъедомее. «Мы едим маленький хинкал, – говорят они, – у нас нет настолько терпения, как у цунты, чтобы дожидаться, пока уварится большой»...

На следующий день мы отправились в дальнейший путь – в общество Капучу, или Бежита, но не кратчайшим путем, по ущелью, а поднялись на высокое безлесное плоскогорье Бешо с целью осмотреть с вершины его ущелье Шиитль, по-грузински – Илан-хеви (змеиное ущелье). Подъем продолжительный, но он недавно разработан трудами местных жителей прекрасно. Поднявшись на вершину, представляющую из себя продолговатую, покрытую травой плоскость, мы увидели глубокие извилины Илан-хеви, с скалистыми боками его по ту сторону, к подошвам гор Богозского хребта, безлесного, утесистого, с остроконечными вершинами, кое-где покрытыми вечным снегом. На дне ущелья виднелся жиденький лес и едва-едва очерчивались кое-где постройки аулов. Вид вообще мрачный, безжизненный. В этом ущелье раскинуто 14 дидойских селений, в которых числится с лишком 400 дворов; но все эти селения не составляют особого общества, а имеют только каждый свои особые общественные земли и угодья, которыми распоряжаются по усмотрению джамаата, подобно тому, как это делают и другие части Дидо – Шуратль и Асахо⁸.

Между илан-хевскими аулами замечателен Китури, по той упорной обороне, какую он выказал в 1858 году, при разорении здешних аулов отрядом генерала Вревского, смертельно раненного именно при этом ауле. В числе наших проводников на Бешо был и один из распорядителей защиты этого аула, долго отстаивавшегося против натиска наших войск. Этот недавний враг теперь принадлежит к числу преданнейших России людей, занимает одну из почетнейших должностей в среде горцев – депутата в народном суде и смотрит таким добродушнейшим человеком, точно он в жизнь свою ни разу не обнажал оружия. Видно, с обстоятельствами переменятся нравы! В Верхнем Дагестане во главе народного управления сидят все еще шамилевские наибы; но теперь они, по крайней мере, с виду – агнцы...

Обогнувши Бешо в полугоре, мы опять въехали в ущелье Киди, к его вершине, повыше аула Инуха (Гинух). Этот крайний из дидойских аулов, на границе с Капучею, состоящий всего из 26 дворов, составляет по языку нечто особое от всего Дидо, претендует на самостоятельность или независимость от дидойского общественного распорядка, спорит за земли с киде-

⁷ О них идет молва, что они любят есть сырое мясо, отчего, быть может, явилось и прозвище их цези (орлы), в смысле – хищные из хищных.

⁸ Дидойское общество состоит из трех частей: Шуратля, Шиитля и Асахо, из которых каждое лежит в отдаленном ущелье. Всех селений в обществе (по камеральному описанию 1866 года) считается 36 и 2 отселка; в них дворов 1025, а жителей 3165 обоого пола.

ройцами и на сходке заявляет открыто, что и дидойский наиб и вся цунта их обижают. Такие сепаративные стремления со стороны 70 душ инухцев, забавные в другой местности, кажутся вполне естественными в Дагестане, где отдельность, уединенность, замкнутость местоположения дают все способы, а следовательно, порождают и стремления к тому, чтобы обособиться⁹

⁹ Язык инухцев считается особым наречием дидойского языка, схожим с тем, на котором говорят жители селений Митрода и Хушеты в Ункратле, переселившиеся сюда из Дидо. Замечательно, что слова церковь и воскресенье (день) на инухском наречии выражаются одним и тем же словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.